„Про
Посников А.
И. Фридманъ.
III-3
116
БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
693
26

ПОЛИТИКА РАЗРУШЕНІЯ

ВЪ

АГРАРНОМЪ ВОПРОСѢ

Законъ 9-го ноября 1906 г.

Изданный въ интересахъ привилегированнаго меньшинства, избирательный законъ 3-го іюня 1907 года обезпечилъ тотъ желательный для правящаго класса составъ третьей Государственной Думы, который охотно мирится съ призрачнымъ конституціонализмомъ и является послушнымъ проводникомъ начинаній, указанныхъ въ правительственной деклараціи. Изъ числа основныхъ задачъ оффиціальной программы, предложенной Думѣ, декларація признала важнѣйшей — санкціонированіе земельныхъ мѣропріятій, изданныхъ послѣ роспуска первой Государственной Думы, въ порядкѣ ст. 87 Основныхъ законовъ. „Правительство считаетъ, — по словамъ деклараціи, — что исполнило свой долгъ, осуществивъ рядъ аграрныхъ мѣропріятій въ порядкѣ ст. 87 Осн. зак., и будетъ защищать ихъ передъ законодательными учрежденіями, отъ которыхъ ждетъ усовершенствованія, быть можетъ, поправокъ въ нихъ, но, въ конечномъ результатѣ, твердо надѣется на приданіе имъ упроченной силы, путемъ законодательнаго утвержденія“.

Желаніе правительства исполняется теперь: коммиссія третьей Государственной Думы одобрила главнѣйшее изъ его землеустроительныхъ „мѣропріятій“ — законъ 9-го ноября 1906 года. Неправильный способъ его изданія, ясно установленные недостатки, прямое несоотвѣтствіе съ интересами сельскаго насе-

ленія,—какъ могло бы все это помѣшать большинству нынѣшней Думы одобрить начинаніе, отвѣчающее давнимъ и страстнымъ пожеланіямъ того самаго класса, представители котораго засѣдаютъ теперь въ Думѣ? Изданіе закона 9-го ноября и находящагося въ ближайшей связи съ нимъ указа 15-го ноября представляетъ фактъ огромной важности, какъ бы заслоняющій остальныя явленія нашей современной жизни, хотя тоже въ высокой степени неутѣшительныя. Выдающееся значеніе, которое суждено играть этимъ законодательнымъ актамъ, обязываетъ нашу печать ознакомиться, возможно подробно, съ мотивами, руководившими при ихъ изданіи, и съ тѣми надеждами, которыя возлагали на нихъ оффиціальныя сферы. Въ этомъ отношеніи очень поучительны объяснительныя записки, сопровождающія представленія и законопроекты, внесенные правительствомъ въ Государственную Думу. Обратимся хоть къ нѣкоторымъ изъ этихъ интересныхъ документовъ, остающимся пока мало извѣстными большой публикѣ.

I.

Въ объяснительной запискѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, представленной въ Государственную Думу 4-го апрѣля 1907 г., поводомъ къ изданію закона 9-го ноября 1906 г. и предложенныхъ имъ измѣненій въ Положеніяхъ о крестьянахъ—признается манифестъ 3-го ноября 1905 года, которымъ взиманіе выкупныхъ платежей отмѣнено съ 1-го января 1907 г. Съ этого времени „отпали и тѣ ограниченія въ распоряженіи и пользованіи надѣльною землею, которыя установлены были Положеніемъ 19-го февраля и послѣдующими узаконеніями лишь до окончанія выкупного періода".

Второй документъ—объяснительная записка того же министерства въ Думу по проекту „Положенія о крестьянскомъ землевладѣніи" (записка эта имѣется въ двухъ видахъ: болѣе подробная, отъ 20 февраля 1907 г., и болѣе краткая, отъ 15 ноября того же года)— отмѣчаетъ, что рѣшающее значеніе въ этомъ отношеніи имѣлъ уже указъ 12-го декабря 1904 г., повелѣвавшій „привести законы о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ Имперіи, облегчивъ задачу обезпеченія пользованія лицами этого сословія признаннымъ за ними Царемъ-Освободителемъ положеніемъ полноправныхъ сельскихъ обывателей". Но,—читаемъ мы далѣе,—„еще болѣе обнаружилась необходимость разрѣшенія крестьянскаго вопроса въ этомъ напра-

вленіи послѣ изданія Высочайшаго манифеста 17-го октября 1905 г., которымъ крестьяне уравнены въ политическихъ правахъ съ остальными классами населенія, ибо сохранять въ полной мѣрѣ сословную обособленность крестьянскаго населенія, связанную съ своеобразными особенностями управленія и суда и всего правового быта при осуществленномъ уже уравненіи этого населенія съ прочими классами въ отношеніи политическомъ, не представлялось никакихъ основаній". Строки эти поражаютъ, конечно, своимъ полнымъ несоотвѣтствіемъ съ дѣйствительностью, но насъ увѣряютъ, будто правительство пришло къ заключенію, что послѣ изданія этого манифеста „представляется необходимымъ принять всѣ мѣры къ возможно полному уравненію крестьянъ съ остальнымъ населеніемъ Имперіи и къ распространенію на нихъ дѣйствія общихъ законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, а также объ управленіи и судѣ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, предположено совершенно упразднить особое сословное управленіе крестьянъ и установленія, завѣдывающія крестьянскими дѣлами"...

Предполагая произвести возможно полное уравненіе крестьянъ съ другими сословіями, правительство, какъ заявилъ въ Думѣ предсѣдатель совѣта министровъ, держится того мнѣнія, что „пока крестьянинъ бѣденъ, пока онъ не обладаетъ личною земельною собственностью, пока онъ находится насильно въ тискахъ общины,—онъ остается рабомъ, и никакой писанный законъ не дастъ ему благъ гражданской свободы... Поэтому, правительство не могло не идти на встрѣчу, не могло не дать удовлетворенія тому врожденному у каждаго человѣка, поэтому и у нашего крестьянина, чувству личной собственности, столь же естественному, какъ чувство голода, какъ влеченіе къ продолженію рода, какъ всякое природное свойство человѣка. Вотъ почему раньше всего и прежде всего правительство облегчаетъ крестьянамъ переустройство ихъ хозяйственнаго быта и улучшеніе его и желаетъ изъ совокупности надѣльныхъ земель и земель, пріобрѣтенныхъ въ правительственный фондъ, создать источникъ личной собственности" („Правит. Вѣстн." № 250, 1907 г.).

При ближайшемъ разсмотрѣніи, однако, оказывается, что у насъ торжеству врожденнаго чувства личной собственности мѣшаютъ самыя серьезныя препятствія, вслѣдствіе чего о полномъ уравненіи нашихъ крестьянъ съ остальнымъ населеніемъ въ области имущественныхъ правоотношеній не можетъ быть рѣчи. Въ приведенной выше объяснительной запискѣ представленъ въ доказательство того рядъ доводовъ. „Прежде всего, слѣдуетъ строго

различать состоящія во владѣніи крестьянъ надѣльныя и ненадѣльныя земли"... Приравнять надѣльныя земли „въ полной мѣрѣ къ частной земельной собственности и распространить на нихъ всецѣло дѣйствіе общихъ гражданскихъ законовъ не представляется возможнымъ". Этому препятствуютъ и спеціальное назначеніе ихъ, и особый порядокъ владѣнія, пользованія и распоряженія ими. „Государство, — читаемъ мы далѣе, — надѣляя крестьянъ землей, имѣло въ виду отнюдь не частные интересы отдѣльныхъ лицъ, но неизмѣримо болѣе важныя государственныя цѣли, а именно - обезпеченіе постояннымъ земельнымъ фондомъ и устройство быта широкихъ массъ сельскаго населенія... Поэтому, надѣльныя земли, какъ имѣющія государственное значеніе и служащія обезпеченіемъ быта крестьянъ, и нынѣ не должны составлять предмета свободнаго оборота и, слѣдовательно, не могутъ быть всецѣло подчинены дѣйствію общихъ гражданскихъ законовъ". Этотъ взглядъ на надѣльныя земли обосновывается въ запискѣ очень подробно цѣлымъ рядомъ дальнѣйшихъ соображеній, весьма интересныхъ, но безусловно опровергающихъ точку зрѣнія правительственной декларацiи. Такъ, мы узнаемъ, что „коренная ломка сложившихся и еще вполнѣ жизненныхъ правоотношеній крестьянъ въ области надѣльнаго землевладѣнія и насильственное, велѣніемъ закона, подчиненіе ихъ нормамъ общегражданскаго права были бы вообще мѣрою крайне опасною. Въ основѣ всѣхъ жизненныхъ явленій всегда лежитъ начало закономѣрности. Жизнь не допускаетъ скачковъ и рѣзкихъ переходовъ отъ однихъ явленій къ другимъ. Тому же общему началу преемственности должно подчиняться и право... Поэтому, въ основѣ разумной законодательной дѣятельности должно всегда лежать глубокое уваженіе къ историческому прошлому своей страны... Это особенно относится къ области земельныхъ правоотношеній, которыя во всѣхъ странахъ слагались путемъ медленнаго историческаго процесса и всегда отличаются сравнительною неподвижностью и устойчивостью... Нельзя забывать и того, что у нашихъ крестьянъ надѣльная земля до сихъ поръ является сосредоточіемъ главнѣйшихъ общественныхъ, семейныхъ и имущественныхъ интересовъ, и что поэтому всякое неосторожное прикосновеніе къ земельному быту крестьянъ можетъ вызвать нежелательныя потрясенія во всемъ многомилліонномъ организмѣ крестьянскаго сословія".

Мысли, выраженныя здѣсь, высказываются и въ другихъ частяхъ записки, которая вездѣ старается подчеркнуть необходимость бережнаго, осторожнаго отношенія къ исторически сло-

жившимся формамъ, къ бытовымъ особенностямъ. Въ этомъ заключается какъ бы основной мотивъ оффиціальнаго объясненія, постоянно повторяющійся во всѣхъ министерскихъ заявленіяхъ, которыя усиленно стараются убѣдить насъ, что въ намѣреніе законодателя вовсе не входило желаніе ломать или насильственно измѣнять исторически сложившіяся формы крестьянскаго землевладѣнія. Все, что̀ будто бы имѣлось въ виду правительствомъ,— это лишь „дополнить", „разъяснить" дѣйствующее Положеніе о крестьянахъ. Увѣренія эти, противорѣчащія опредѣленно выраженной въ правительственной декларації задачѣ, противорѣчатъ и всему существу указовъ 9-го и 15-го ноября, а также и проекту „Положенія о крестьянскомъ землевладѣніи", который разсматривается нынѣ Государственной Думой. Патетическія фразы объ уваженіи къ историческому прошлому своей страны и т. п., вовсе не оправдывающіяся на дѣлѣ, вошли въ объяснительныя записки, какъ нѣчто совсѣмъ постороннее, чуждое остальному содержанію, и производятъ крайне тяжелое впечатлѣніе, — впечатлѣніе чего-то такого, что̀ предназначено какъ будто замаскировать умыселъ, явное признаніе въ которомъ не особенно удобно. Какое имѣютъ, въ самомъ дѣлѣ, значеніе вышеприведенныя строки записки, такъ убѣдительно призывающія къ бережному, возможно пощадливому „прикосновенію къ земельному быту крестьянъ",— въ виду хотя бы одного закона 9 го ноября, одобреннаго теперь коммиссіей Думы?

Изъ оффиціальныхъ объясненій къ нему, данныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Государственной Думѣ, 4-го апрѣля 1907 г., мы узнаемъ, что и онъ также является именно лишь „дополненіемъ" и „развитіемъ" прежняго закона,—что задача его заключается „вообще не во введеніи какихъ-либо новыхъ началъ въ область крестьянскаго землевладѣнія, а лишь въ приведеніи въ дѣйствіе стараго закона, освѣщеннаго почти пятидесяти-лѣтней давностью и имѣющаго значеніе одного изъ основныхъ началъ нашего крестьянскаго законодательства". Въ министерскомъ объясненіи этомъ повторяется болѣе подробно сказанное въ самомъ законѣ 9-го ноября о побудительной причинѣ изданія его, въ порядкѣ ст. 87 Осн. зак., говорится именно о вступленіи въ дѣйствіе, послѣ прекращенія выкупныхъ платежей, статьи 12-й Общ. Положенія. При ссылкѣ на эту статью дѣлается, однако, очень характерное умолчаніе о важномъ концѣ ея. Записка ограничивается лишь начальными строками ст. 12-й, въ которыхъ указывается, что „каждый членъ сельскаго общества можетъ требовать, чтобы изъ состава земли, пріобрѣтенной въ общественную

собственность, былъ ему *выдѣленъ* участокъ, соразмѣрный съ долею его участія въ пріобрѣтеніи сей земли". Оставляя безъ всякаго вниманія конецъ статьи, объяснительная записка комментируетъ приведенное здѣсь ея начало такъ: „этой статьей 12-й *окончательно и безповоротно* предоставлено каждому крестьянину право требовать *выдѣла себѣ участка* изъ общинной земли; означенное право крестьянъ столь же неотъемлемо, столь же неприкосновенно, какъ и имущественныя права прочихъ гражданъ Россійской Имперіи, почему никакими практическими соображеніями нельзя было бы оправдать отмѣну или ограниченіе этого права, признаннаго за крестьянами Царемъ-Освободителемъ".

Но для того, чтобы уяснить себѣ, въ чемъ состоитъ дѣйствительно *неотъемлемое* право, которое имѣетъ въ виду статья 12-я Общ. Положенія, — необходимо привести опущенный и игнорируемый въ министерскомъ объясненіи конецъ ея. Онъ гласитъ: „если такой выдѣлъ окажется неудобнымъ или невозможнымъ, то обществу предоставляется удовлетворить крестьянина, желающаго выдѣлиться, деньгами по взаимному соглашенію или по оцѣнкѣ". Присоединяя этотъ конецъ къ вышеприведенному началу статьи 12-й, мы получаемъ ясное представленіе о намѣреніи послѣдней, не возбуждающей ровно никакихъ недоразумѣній. Какъ оказывается, однако, изъ объяснительной записки, эту статью 12-ую необходимо было дополнить, въ виду того, что, при ея примѣненіи къ выкупленнымъ надѣльнымъ землямъ, встрѣтились непреодолимыя препятствія. Препятствія состоятъ въ томъ, что, въ большинствѣ случаевъ, невозможно опредѣлить размѣра выкупленныхъ платежей, внесенныхъ отдѣльными членами общества; между тѣмъ, „правительство обязано было ввести въ дѣйствіе статью 12-ую Общ. Положенія, а ввести ее въ неизмѣненномъ видѣ оказалось невозможнымъ".

Указанныя здѣсь препятствія встрѣтились на практикѣ потому, конечно, что къ надѣльнымъ землямъ была примѣнена статья, которая первоначально относилась исключительно къ „землямъ, пріобрѣтеннымъ сельскими обывателями помимо надѣла", и которая вовсе не имѣла въ виду регулировать отношенія, вытекавшія изъ выкупной операціи. Но разъ ее пожелали примѣнить также къ выкупленной надѣльной землѣ, весьма естественно, должны были возникнуть вышеуказанныя затрудненія при опредѣленіи того, на какую часть мірской земли можетъ претендовать выдѣляющійся изъ общины. Вмѣстѣ съ тѣмъ, явилась, разумѣется, и надобность „въ изданіи соотвѣтствующихъ правилъ въ *дополненіе и развитіе* указанной статьи 12-й Общ. Полож.,

которыя сдѣлали бы ее примѣнимой на практикѣ". Кажется, ясно, въ чемъ должно было состоять такое дополненіе: нужно было издать правила для руководства при опредѣленіи доли, причитающейся члену общества, пожелавшему выдѣлиться, согласно ст. 12. Вмѣсто исполненія сравнительно скромной работы, изданія правилъ, указывающихъ способъ опредѣленія размѣра того, на что̀ можетъ претендовать въ общемъ имуществѣ выдѣляющійся,—изданъ законъ, въ корень измѣняющій постановленія о надѣльной землѣ. А между тѣмъ, это законодательное предпріятіе, не оставляющее камня на камнѣ въ области земельныхъ отношеній, является подъ скромной формой *дополненія:* всѣ статьи всѣхъ четырехъ раздѣловъ закона 9-го ноября изданы, какъ весьма демонстративно заявляется въ началѣ каждаго раздѣла,— „въ дополненіе" дѣйствующаго закона.

II.

Для общей характеристики того, что̀ разумѣется въ дѣйствительности подъ этимъ скромнымъ именемъ и какъ производится операція „дополненій", не безъинтересно взять въ примѣръ, прежде всего, способъ интерпретаціи статей Положенія 19-го февраля, относящихся къ такъ называемой „усадебной землѣ" или „усадебной осѣдлости", которую законъ 9-го ноября именуетъ вездѣ, ради удобства производимой надъ нею операціи, „усадебными *участками*". Какъ извѣстно, въ Положеніи, регулировавшемъ права и отношенія бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ, усадебная земля — въ довольно неясно опредѣленныхъ закономъ границахъ — была выдѣлена въ особый разрядъ и не должна была смѣшиваться съ полевой. Значеніе ея и права крестьянъ по отношенію къ ней опредѣлялись въ Мѣстн. Полож. Велик. ст. 15 (бывш. ст. 110), которая установляла, что „усадебная земля каждаго крестьянскаго *двора* остается въ потомственномъ пользованіи проживающаго въ томъ дворѣ *семейства* и переходитъ къ наслѣдникамъ, согласно существующему въ каждой мѣстности обычному порядку наслѣдованія".

Постановленіе это, выдѣляющее одинъ видъ угодій изъ общей совокупности того, что̀ необходимо въ цѣломъ для правильнаго веденія хозяйства,—конечно, вполнѣ произвольно и не соотвѣтствуетъ требованіямъ жизни. Объ этомъ весьма краснорѣчиво свидѣтельствуютъ интересные факты, собранные въ IV томѣ изслѣдованій В. И. Орлова: „Формы крестьянскаго землевладѣнія

въ Московской губерніи". Указанные здѣсь пріемы, а также и практиковавшіеся въ разныхъ мѣстностяхъ нашего отечества, — данныя о чемъ приведены у Кочаровскаго, „Русская община", и у проф. А. А Чупрова, „Die Feldgemeinschaft", — свидѣтельствуютъ, что жизнь вырабатывала тѣ или иные способы, съ помощью которыхъ парализовалось вредное вліяніе ст. 15 (110). Оффиціальное выдѣленіе усадебъ изъ состава земельныхъ угодій, вмѣстѣ съ которыми онѣ составляютъ одно хозяйственное цѣлое, было сдѣлано впервые передъ крестьянской реформой, въ рескриптѣ 20-го ноября 1857 г. генералъ-губернатору Назимову. Въ рескриптѣ указывались именно главныя основанія, которыми должны были руководствоваться мѣстные комитеты губерній Ковенской, Виленской и Гродненской при составленіи проектовъ объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ. Принятое здѣсь, въ п. 1-мъ, дѣленіе земли на усадебную и полевую перешло потомъ въ Положенія 19-го февраля, которыя установили и разныя условія для выкупа той и другой.

О тѣсной связи понятія объ усадебной осѣдлости съ земельнымъ владѣніемъ спеціально бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что выдѣленія усадебъ въ особую категорію нѣтъ ни въ Положеніи 26 іюня 1863 г. (о крестьянахъ бывшихъ удѣльныхъ, дворцовыхъ и государевыхъ), ни въ Положеніи 24 ноября 1866 г. (о крестьянахъ бывшихъ государственныхъ). Когда въ жизни возникъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли распространить на крестьянъ бывшихъ государственныхъ тѣхъ селеній, гдѣ существуетъ общинное пользованіе угодьями, въ отношеніи порядка пользованія усадебными землями ст. 110—113 Мѣстн. Велик. Положенія, то Главный Комитетъ объ устройствѣ сельск. сост. нашелъ, что такое распространеніе было бы нежелательно. По журналу, Высочайше утвержденному 6 октября 1869 г., признано было „болѣе осторожнымъ не издавать постановленія, ограничивающаго права обществъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ относительно распоряженія усадебными землями". Такимъ образомъ, бывшіе государственные крестьяне, а также и бывшіе государевы, дворцовые и удѣльные продолжали пользоваться усадебной и полевой землей совершенно одинаково, безъ всякихъ ограниченій и различій, установленныхъ ст. 15 (110) Мѣстн. Пол. для бывш. помѣщичьихъ крестьянъ. И эта практика продолжалась довольно долго, такъ какъ лишь въ 1885 г. Правительствующій Сенатъ далъ разъясненіе, коренным образомъ измѣнившее установленный порядокъ у крестьянъ бывшихъ государственныхъ. Весьма

характерно, что мотивомъ для распространенія на ихъ усадебныя земли ст. 110-й было признано главнымъ образомъ слѣдующее: установленіе „различія въ порядкѣ распоряженія усадебными землями между бывшими государственными и бывшими помѣщичьими крестьянами, которые слились теперь въ одно сословіе—крестьянъ-собственниковъ, подчинены одинаковому общественному устройству, сопряжено было бы съ несправедливостью и съ существенными неудобствами“... Такое же измѣненіе порядка распоряженія усадебными землями у крестьянъ бывшихъ государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ — произошло нѣсколько позднѣе, а именно, по рѣшенію Сената въ 1887-мъ году.

Это неудачное толкованіе Сената, нивеллировавшее отношенія, нормированныя закономъ различно, вносило немалую путаницу въ установившійся хозяйственный строй. Законъ 9-го ноября вноситъ въ эту сферу новую, еще бо́льшую запутанность и ~~тѣснитъ~~ жизнь. Вопреки ясному постановленію ст. 15 (110), по которой усадебная земля находится „въ потомственномъ пользованіи“ проживающаго въ дворѣ *семейства*,—ст. 1 раздѣла III закона 9-го ноября опредѣляетъ, что „усадебные участки при общинномъ пользованіи составляютъ *личную собственность домохозяина*“. И такое объявленіе имущества, находящагося въ *потомственномъ пользованіи семейства*, — личной собственностью одного — дѣлается безъ всякаго спроса о желаніи самихъ владѣльцевъ имуществъ, со стороны которыхъ не требуютъ и не ждутъ даже никакихъ заявленій о томъ. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на волю самихъ заинтересованныхъ и вовсе не соображаясь съ послѣдствіями задуманнаго теперь полнаго обособленія усадебной осѣдлости отъ остальныхъ видовъ земельныхъ угодій,—законъ однимъ этимъ постановленіемъ порождаетъ великое замѣшательство въ хозяйственныхъ порядкахъ нашей многострадальной деревни.

Оставляя въ сторонѣ разнообразные случаи, возможные въ жизни, остановимся лишь на тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя почти неизбѣжны при устанавливаемой нынѣ формѣ обладанія усадьбами. Предположимъ при этомъ, что, вслѣдъ за одобреніемъ и принятіемъ Государственною Думою землеустроительныхъ мѣръ правительства, изданныхъ въ порядкѣ ст. 87, будетъ принятъ и одобренъ также цитированный проектъ „Положенія о крестьянскомъ землевладѣніи“, который былъ внесенъ минист. внутр. дѣлъ въ Государственную Думу сперва 20-го февраля 1907-го года, а затѣмъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ,—15-го ноября того же года и который разсматривался теперь въ коммиссіи. Оставаясь въ

рамкахъ даннаго проекта, ограничимся лишь тѣми случаями, которые допустимы, можетъ быть, даже неизбѣжны, въ случаѣ утвержденія его и при примѣненіи въ жизни. Въ этомъ проектѣ, во многомъ существенно измѣняющемъ дѣйствующее Положеніе о крестьянахъ, въ отдѣлѣ III-мъ, содержащемъ постановленія о „наслѣдованіи въ надѣльныхъ земляхъ", ст. 29 опредѣляетъ, что „лицу, владѣющему на правѣ собственности участками надѣльной земли (въ томъ числѣ и „усадебными"), — предоставляется завѣщать такіе участки одному или нѣсколькимъ изъ своихъ нисходящихъ или распредѣлять ихъ между всѣми нисходящими по своему усмотрѣнію"... Если, пользуясь разрѣшеніемъ закона, „домохозяинъ" дѣйствительно вздумаетъ завѣщать усадебную осѣдлость лишь „одному изъ своихъ нисходящихъ", каково будетъ хозяйственное положеніе остальныхъ „нисходящихъ", которые въ отношеніи полевыхъ угодій будутъ такими же полноправными членами общины, какъ и ихъ счастливый собратъ, получившій всю усадьбу? Очевидно, они не въ состояніи будутъ вести хозяйства, не имѣя ни усадьбы, ни двора, и вынуждены будутъ оставить земледѣльческій промыселъ. Такое насильственное обезземеленіе большей части сонаслѣдниковъ въ пользу одного явится однимъ изъ результатовъ указанной свободы завѣщанія и обращенія въ личную собственность домохозяина усадебной земли, которая до сихъ поръ находилась въ потомственномъ пользованіи всего семейства. Неправильность и произвольность такого превращенія сознавались самими иниціаторами закона, по крайней мѣрѣ, въ указанномъ выше проектѣ „Положенія о крестьянскомъ землевладѣніи" на такое сознаніе какъ бы намекаетъ ст. 4-ая отдѣленія I-го, постановляющая, что „усадебные участки... составляютъ личную собственность домохозяевъ, *въ наслѣдственномъ владѣніи коихъ они находятся*". Это добавленіе о *наслѣдственномъ владѣніи* (въ которое, по волѣ составителя проекта, измѣнилось „потомственное пользованіе") довольно занимательно, и ужъ не сдѣлано ли оно въ интересахъ исторической правды, съ цѣлью указать, какъ и откуда произошла эта личная собственность...

III.

Отмѣченный способъ „дополненія" ст. 15 (110) Мѣстн. Велик. Положенія, на самомъ дѣлѣ совершенно измѣняющая дѣйствовавшее постановленіе объ усадебной осѣдлости, наблюдается и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ „дополненій", предпринимаемыхъ

закономъ 9 ноября. Такъ, въ раздѣлѣ I-мъ, изданномъ „въ дополненіе ст. 12 Общаго Положенія“, о которой рѣчь шла выше,— ст. I-я опредѣляетъ: „каждый домохозяинъ, владѣющій надѣльною землею на общинномъ правѣ, можетъ, во всякое время, требовать укрѣпленія въ личную собственность причитающейся ему части изъ означенной земли“. При сопоставленіи этихъ словъ съ текстомъ ст. 12-ой, очевидно явное противорѣчіе между ними, такъ какъ въ статьѣ 12-ой рѣчь идетъ о *выдѣлѣ участка* изъ состава земли, пріобрѣтенной въ общественную собственность, а приведенная здѣсь статья 1-я закона 9-го ноября говоритъ объ *укрѣпленіи въ личную собственность* домохозяина полосъ мірской земли, находящихся въ его фактическомъ обладаніи и отведенныхъ ему во временное пользованіе. Существенное различіе между тѣмъ, что̀ имѣлъ въ виду законъ ранѣе, и тѣмъ, что̀ устанавливается теперь по закону 9-го ноября, вполнѣ ясно и самому автору цитированной объяснительной записки. Такъ мы читаемъ въ ней: „по смыслу ст. 12 Общаго Положенія, хотя не ясно изложенной и толкуемой различно, выходъ изъ общины домохозяина обязательно соединяется съ *фактическимъ выдѣломъ участка*, соразмѣрнаго съ его долею. Такъ какъ при семъ въ ст. 12-ой предусматриваются случаи, когда выдѣлъ можетъ оказаться для общества неудобнымъ или невозможнымъ, то нужно полагать, что ею имѣется въ виду *выдѣлъ участковъ* выходящимъ изъ общины домохозяевамъ *по возможности къ одному мѣсту*“...

Совершенно вѣрно, ст. 12-я говоритъ прямо и опредѣленно о *выдѣлѣ участковъ*, а вовсе не объ *укрѣпленіи въ личную собственность* домохозяина полосъ мірской земли, отведенныхъ ему во временное пользованіе. Но такое значеніе этой статьи не удовлетворяетъ иниціаторовъ закона 9-го ноября, и они задаютъ вопросъ: „возможно ли и слѣдуетъ ли связывать выдѣлъ отдѣльнымъ домохозяевамъ участковъ общинной земли съ *непремѣннымъ* отводомъ этихъ участковъ къ одному мѣсту? Отвѣтъ долженъ быть, казалось бы, отрицательный. Такой выдѣлъ участка къ одному мѣсту— говорятъ они—былъ бы, прежде всего, сопряженъ съ большими неудобствами и ущербомъ для общества, ибо при каждомъ такомъ выдѣлѣ, требовать котораго, въ силу той же статьи, отдѣльные домохозяева могутъ во всякое время, неизбѣжно происходило бы полное или частичное перемѣщеніе участковъ всѣхъ общинниковъ; съ другой стороны, и *для самихъ выходящихъ изъ общины выдѣлъ причитающихся имъ участковъ къ одному мѣсту далеко не всегда представляется удобнымъ и желательнымъ*“.

Разсужденіе это, собственно, вполнѣ безцѣльно, такъ какъ выдѣлъ земли фактически, въ натурѣ, вовсе не безусловно обязателенъ по статьѣ 12-й; напротивъ, ею, какъ уже указано выше, устанавливается опредѣленно: „если такой выдѣлъ окажется неудобнымъ, или невозможнымъ, то обществу предоставляется удовлетворить крестьянина, желающаго выдѣлиться, деньгами, по взаимному соглашенію, или по оцѣнкѣ". Этотъ справедливый, вполнѣ безобидный для обѣихъ сторонъ, выходъ, очевидно, не соотвѣтствовалъ цѣлямъ составителей закона 9-го ноября, и они нашли нужнымъ, вмѣсто него, постановить объ *укрѣпленіи въ личную собственность* домохозяевъ части мірской земли.

Согласно объяснительной запискѣ минист. внутр. дѣлъ,— „само собою разумѣется, что укрѣпленіе въ личную собственность отдѣльныхъ домохозяевъ тѣхъ черезполосныхъ участковъ, какими они уже фактически пользуются, *всегда возможно и, ни въ чемъ не измѣняя землепользованія остальныхъ однообщественниковъ, никакихъ неудобствъ для нихъ не создаетъ*. Поэтому къ предоставленію обществу права, взамѣнъ выдѣла такихъ участковъ, вознаграждать выходящаго изъ общины деньгами нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній". Во всѣхъ отношеніяхъ разсужденіе это поражаетъ своею необычною смѣлостью: полное пренебреженіе къ правамъ и интересамъ большинства членовъ общины здѣсь соединено съ безусловнымъ незнаніемъ обсуждаемаго предмета. Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, для сколько-нибудь освѣдомленнаго человѣка, высказать такое положеніе, будто укрѣпленіе въ собственность домохозяевъ отведенныхъ имъ въ пользованіе полосъ, „ни въ чемъ не измѣняя землепользованія остальныхъ однообщественниковъ, никакихъ неудобствъ для нихъ не составляетъ"?

Но это „укрѣпленіе" въ собственность разбросанныхъ по мірскому полю полосъ, которое поставитъ общину въ самое затруднительное, часто безвыходное, положеніе, для чего оно собственно задумано? Руководствуясь той же основной идеей, которая повторена въ декларації, прочитанной въ Думѣ предсѣдателемъ совѣта министровъ, и стремясь возможно быстрѣе осуществить переходы отъ общиннаго владѣнія къ личной собственности, иниціаторы закона имѣли предъ собою, по ихъ собственному признанію, два выхода. Они могли: или 1) — опредѣлить постоянную, неизмѣнную при послѣдующихъ передѣлахъ, „долю участія переходящаго къ личному владѣнію въ пользованіи общинною землею, съ отсрочкою фактическаго выдѣла, соотвѣтствующаго этой долѣ участка до момента, когда такой выдѣлъ можетъ

быть произведенъ безъ ущерба для общества"; или 2)—„укрѣпить въ личную собственность выходящаго изъ общины тѣ отдѣльныя и вполнѣ конкретныя полосы, которыя состоятъ въ его пользованіи". При составленіи закона 9 ноября было отдано предпочтеніе второму выходу, потому что,—какъ поясняютъ намъ,—при избраніи перваго выхода, домохозяева, имѣя лишь право на идеальныя доли въ общинной землѣ, „были бы лишены возможности распоряжаться своими надѣлами, отчуждать и закладывать ихъ, реализировать ихъ цѣнность... Для того, чтобы укрѣпленную въ частную собственность долю земли *можно было выгодно продать*, необходимо, чтобы она была выдѣлена въ натурѣ и чтобы покупатель зналъ не только количество покупаемой земли, но и ея качество. Только въ такомъ случаѣ за выдѣленную въ частную собственность землю можно выручить ея дѣйствительную цѣну. Идеальныя же доли въ общинной землѣ, которымъ не соотвѣтствуютъ въ дѣйствительности опредѣленные, извѣстные участки, *будутъ мало привлекательны для покупателей*, и за нихъ никто настоящей цѣны не дастъ". Это стремленіе мобилизировать надѣльную землю, превратить ее въ объектъ свободнаго рыночнаго обмѣна, является такимъ образомъ главнѣйшей побудительной причиной задуманной ломки бытовыхъ устоевъ нашей сельской жизни, и откровенное признаніе въ томъ опровергаетъ вполнѣ всѣ вышеприведенныя благія разсужденія на тему о возможно осторожномъ „прикосновеніи къ земельному быту крестьянъ" и о необходимости помнить, что „у нашихъ крестьянъ надѣльная земля до сихъ поръ является средоточіемъ главнѣйшихъ общественныхъ, семейныхъ и имущественныхъ интересовъ"... „Поэтому надѣльныя земли, какъ имѣющія государственное значеніе и служащія обезпеченіемъ быта крестьянъ, и нынѣ не должны составлять предмета свободнаго оборота..." Все это совершенно несогласно съ истиннымъ намѣреніемъ законодателя...

Нужно ясно представить себѣ, однако, въ чемъ будетъ состоять это задуманное *укрѣпленіе*. Въ дѣйствительности оно будетъ состоять въ томъ, что въ собственность домохозяина перейдутъ пахотныя полосы, отведенныя ему во временное пользованіе и расположенныя въ разныхъ частяхъ общественнаго поля. Такимъ образомъ, будетъ зафиксированъ порядокъ распредѣленія земли, существовавшій и ранѣе, именно тотъ порядокъ, противъ котораго обычно направлены громы и жестокія обвиненія. Черезполосность, длинополосность, узкополосность и все такое прочее, что составляетъ, будто бы, неизбѣжную принадлежность общин-

наго землевладѣнія и главнѣйшій его недостатокъ, все это остается неизмѣннымъ при *укрѣпленіи* полосъ въ собственность. Но, обращая разбросанныя полосы полевой земли въ личную собственность домохозяина, законъ 9-го ноября значительно ухудшаетъ положеніе, такъ какъ, при первомъ же раздѣлѣ между наслѣдниками, или въ случаѣ отчужденія земли по частямъ, черезполосица значительно усилится и должна принять именно тотъ вредный для сельскаго хозяйства видъ, котораго въ дѣйствительности, какъ общее правило, — не существуетъ при общинномъ землевладѣніи.

Мѣры, которыя, при существованіи частной собственности на землю, необходимо принимать для прекращенія этой вредной черезполосицы, такъ называемой черезполосицы *спеціальной*, ведущей къ принудительному сѣвообороту (Flurzwang), — законодательныя постановленія, именно въ той формѣ, какъ они приняты на югѣ Германіи, относительно регулированія полей (Flurbereinigung), осуществляются при общинномъ землевладѣніи сами собой, безъ вмѣшательства закона и безъ участія правительственныхъ агентовъ. Укрѣпляя полосы въ личную собственность, законъ уничтожаетъ благодѣтельное вліяніе такого регулированія или упорядоченія въ расположеніи полосъ, которое обычно при общинномъ владѣніи, и, вмѣсто того, онъ открываетъ возможность проявляться всѣмъ вреднымъ послѣдствіямъ личной собственности, свободной, ничѣмъ не стѣсняемой въ правѣ отчужденія и дѣлежа земли при наслѣдованіи. Объ этомъ убѣдительно свидѣтельствуетъ намъ и опытъ Запада, и опытъ нѣкоторыхъ мѣстностей собственнаго нашего отечества. Въ виду явно вредныхъ послѣдствій, неизбѣжно связанныхъ именно съ узаконяемымъ у насъ теперь способомъ обращенія общественныхъ земель въ частную собственность, на Западѣ признается, въ настоящее время, за безспорное правило — keine Theilung ohne gleichzeitige Commassation.

Все это едва ли могло быть не ясно составителямъ закона, но, очевидно, ихъ мало интересовали агрикультурныя цѣли, служившія лишь прикрытіемъ истинныхъ стремленій, стремленій разрушить общину и замѣнить ее, во что бы то ни стало, частной собственностью. Такое побужденіе вынудило измѣнить совершенно точное постановленіе ст. 12 *о выдѣлѣ участковъ* въ постановленіе объ *укрѣпленіи* въ личную собственность разбросанныхъ полосъ. Нельзя было не видѣть, что, при установленіи прямо хаотическихъ условій, рѣшительно невозможно веденіе сколько-нибудь правильнаго хозяйства на общественныхъ поляхъ,

во многихъ мѣстахъ которыхъ будутъ вкраплены владѣнія частныхъ собственниковъ; нельзя было не видѣть и того, что, при возможности появленія, вмѣстѣ съ такой собственностью, вредной черезполосицы, немыслимо прогрессирующее земледѣліе также и на самыхъ этихъ участкахъ, перешедшихъ въ личную собственность.

IV.

Составители закона 9-го ноября хорошо видятъ, что устанавляемый ими способъ землепользованія не можетъ быть оправданъ ни съ какой точки зрѣнія и что онъ противорѣчитъ требованіямъ ихъ собственнаго идеала—отрубного хозяйства, а потому они указываютъ на выходъ изъ этого положенія. Такой выходъ состоитъ все въ томъ же выдѣлѣ соотвѣтствующей доли земли, по возможности къ одному мѣсту, т.-е. выходъ какъ-разъ въ томъ самомъ, противъ чего дѣлались возраженія въ приведенной выше объяснительной запискѣ. Какъ бы то ни было, статья 12 закона 9-го ноября опредѣляетъ, что „каждый домохозяинъ, за коимъ укрѣплены участки надѣльной *земли*, имѣетъ право, *во всякое время*, требовать, чтобы общество выдѣлило ему, взамѣнъ сихъ участковъ, соотвѣтственный участокъ, по возможности къ одному мѣсту". Можетъ показаться страннымъ, для чего потребовалось въ такомъ случаѣ вводить постановленіе объ „укрѣпленіи" въ собственность домохозяина фактическаго его владѣнія, если въ результатѣ является необходимость въ томъ же *выдѣлѣ* земли къ одному мѣсту. Дѣло въ томъ, что далеко не такъ ясны и безспорны преимущества, свойственныя владѣнію отрубному при частной собственности, сравнительно съ пользованіемъ пополоснымъ при общинномъ землевладѣніи; а потому, если бы члену общества разрѣшено было выходить изъ общины исключительно подъ условіемъ обязательнаго выдѣла причитающейся ему земли къ одному мѣсту, то число выходящихъ изъ общества едва-ли было бы особенно велико. Можно пѣть какія угодно пѣсни о преимуществахъ отрубного, хуторского хозяйства на небольшихъ клокахъ земли, принадлежащихъ частнымъ собственникамъ,—въ жизни будетъ трудно осуществить, безъ принужденія, безъ прямого насилія, этотъ аграрный идеалъ въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ. И вотъ, именно для увеличенія числа выходящихъ изъ общества, для ускоренія процесса разложенія общины, законъ 9-го ноября разрѣшаетъ отдѣльнымъ лицамъ укрѣплять въ собственность фактическое свое владѣніе, хотя это и не соот-

вѣтствуетъ идеалу отрубного хозяйства, о которомъ мечтаетъ современное правительство. Такимъ разрѣшеніемъ укрѣплять полосы въ собственность будутъ пользоваться охотно всѣ имѣющіе намѣреніе присвоить себѣ изъ общественной земли больше того, на что они могли бы разсчитывать, оставаясь въ общинѣ, и что они получили бы при наступленіи срока передѣла. Захватывая изъ мірской земли въ собственность больше приходящагося по разверсткѣ, отдѣльные домохозяева ставятся закономъ въ очень выгодное положеніе сравнительно съ хозяевами, остающимися въ обществѣ, такъ какъ всѣ невыгоды, которыя могутъ произойти отъ узаконеннаго нынѣ способа „укрѣпленія“ земли, ложатся на общину.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, конечно, могутъ явиться побужденія для выдѣла къ одному мѣсту земель, „укрѣпленныхъ“ такимъ образомъ за отдѣльными домохозяевами, и для этой цѣли предназначается вышеназванная ст. 12 закона 9-го ноября.

При первомъ взглядѣ, можно, пожалуй, подумать, что здѣсь возстановляется то, что прежде предусматривала отмѣненная теперь статья 12-ая Общаго Положенія; но такое заключеніе было бы совершенно неправильно, и оно разсѣется тотчасъ же, какъ только мы ознакомимся съ содержаніемъ статей 13 и 14 того же закона 9-го ноября. Статья 13,—по характеру своему совершенно непонятная, — говоритъ о вознагражденіи выдѣляющагося изъ общины деньгами; но она говоритъ объ этомъ потому, что никто изъ выдѣляющихся не обязанъ принимать такого вознагражденія, и она говоритъ, далѣе, о судѣ, рѣшенію котораго никто изъ выдѣляющихся не обязанъ подчиняться. Затѣмъ, ст. 14 весьма категорически постановляетъ, что членъ общины, желающій выдѣлить свой участокъ, по возможности, къ одному мѣсту, можетъ *требовать* этого въ моментъ общаго передѣла, и какъ бы такое требованіе ни было гибельно для хозяйства общины, эта послѣдняя не имѣетъ права отказать ему въ его требованіи и *не можетъ*, вмѣсто убыточнаго отвода земли въ натурѣ, *„удовлетворить выдѣляющихся деньгами“*.

Чѣмъ руководились авторы закона 9-го ноября, отмѣняя для обѣихъ сторонъ равно удобное и справедливое постановленіе ст. 12 Общаго Положенія о денежномъ вознагражденіи выдѣляющагося,—это мы узнаемъ изъ объяснительной записки министерства внутреннихъ дѣлъ къ проекту „Положенія о крестьянскомъ землевладѣніи“, представленной въ Думу 20-го февраля 1907 г., именно изъ той довольно откровенной главы 5-ой (занимавшей мѣсто отъ 35-ой до 55-ой стр.), которая превра-

БИБЛІОТЕКА ... ОБЩЕСТВ... АКАДЕМІИ

тилась въ три страницы во второй запискѣ къ тому же проекту, представленной въ Думу 15-го ноября 1907 г. Въ этой, изъятой теперь, главѣ 5-ой указывалось на то, что „ст. 12-ая Общаго Положенія Кр. предоставляетъ обществу право, вмѣсто выдѣла участка въ натурѣ, удовлетворить желающаго выдѣлиться деньгами, когда выдѣлъ оказывается невозможнымъ или неудобнымъ. При этомъ никакихъ исключеній изъ этого общаго правила не сдѣлано (??). Между тѣмъ, едва-ли могутъ встрѣтиться какія-либо затрудненія для выдѣла, если онъ совпадаетъ съ общимъ передѣломъ. Предоставить обществу право и въ подобныхъ случаяхъ удовлетворять желающихъ выдѣлиться деньгами — значило бы, *если не окончательно прекратить выдѣлы, то, во всякомъ случаѣ, значительно сократить ихъ число*". Такимъ образомъ, главнѣйшая цѣль состоитъ дѣйствительно въ увеличеніи числа выдѣловъ,—и, предполагается, по возможности къ одному мѣсту,—къ чему, по мнѣнію автора объяснительной записки, едвали могутъ встрѣтиться какія-либо затрудненія, если выдѣлъ „совпадаетъ съ общимъ передѣломъ". Чтобы рѣшиться высказать подобное мнѣніе, надо вовсе не знать тѣхъ огромныхъ, часто непреодолимыхъ затрудненій, которыя связаны въ дѣйствительности съ выдѣломъ участковъ къ одному мѣсту. Лишая общество права вознаграждать выдѣляющихся деньгами и требуя отъ него непремѣннаго отвода земли въ натурѣ, законъ устанавливаетъ такія условія, при которыхъ члены, остающіеся въ обществѣ, не въ состояніи будутъ вести сколько-нибудь правильное хозяйство. Вмѣстѣ съ тѣмъ, законъ лишаетъ общество того важнаго права вознаграждать выдѣляющагося деньгами, которое было предоставлено ему ст. 12 Общаго Положенія; а между тѣмъ,—выражаясь словами оффиціальной записки,—„означенное право крестьянъ столь же неотъемлемо, столь же неприкосновенно, какъ и имущественныя права прочихъ гражданъ Россійской Имперіи, почему никакими практическими соображеніями нельзя было бы оправдать отмѣну или ограниченіе этого права, признаннаго за крестьянами Царемъ-Освободителемъ".

Нельзя не отмѣтить при этомъ, что министерская объяснительная записка, высказываясь за предоставленіе домохозяевамъ права требовать отъ общества отвода земли къ одному мѣсту, желаетъ убѣдить въ томъ, что законъ 9-го ноября, нарушающій самые жизненные интересы общины, остается на почвѣ дѣйствующаго закона. Въ запискѣ высказывается именно, что въ вопросѣ о выдѣлѣ „осторожнѣе остаться на почвѣ дѣйствующаго закона (Общ. Пол. Кр. ст. 12), съ тѣмъ лишь существен-

нымъ дополненіемъ, что въ случаяхъ, когда требованіе о выдѣлѣ совпадаетъ съ общимъ передѣломъ, выдѣлъ въ натурѣ производится обязательно и общество не имѣетъ права удовлетворять желающаго выдѣлиться деньгами". Здѣсь опять все сводится къ передѣлу, при томъ къ передѣлу общему, и предполагается, что общество не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій къ выдѣламъ земли, если такіе выдѣлы совпадаютъ съ передѣломъ.

V.

Отстаивая въ этомъ отношеніи исключительно интересы выдѣляющихся, законъ 9-го ноября и въ дальнѣйшемъ заботится только о нихъ, не принимая во вниманіе хозяйственныхъ нуждъ общины. Законъ не только облегчаетъ отдѣльному члену выходъ изъ общества, но онъ усиленно заботится также о наиболѣе выгодномъ имущественномъ удовлетвореніи выходящаго. Ему предоставляются обширнѣйшія права, недопустимыя ни съ точки зрѣнія хозяйственныхъ интересовъ остальныхъ членовъ общины, ни съ точки зрѣнія даже элементарной справедливости. Въ этомъ насъ убѣждаютъ ст. ст. 2 и 3 того же раздѣла I закона 9-го ноября, въ которыхъ объясняется, что̀ разумѣетъ законъ подъ понятіемъ *причитающейся* выдѣляющемуся части мірской земли. Въ ст. 2 закона мы читаемъ: „въ обществахъ, въ коихъ не было общихъ передѣловъ въ теченіе 24-хъ лѣтъ, предшествующихъ заявленію отдѣльныхъ домохозяевъ о желаніи перейти отъ общиннаго владѣнія къ личному, за каждымъ такимъ домохозяиномъ укрѣпляются въ личную собственность, сверхъ усадебнаго участка, всѣ участки общинной земли, состоящіе въ его постоянномъ (не арендномъ) пользованіи". По поводу этого 24-хъ-лѣтняго срока наша печать высказала почти единогласное мнѣніе: указала на совершенную его произвольность и на полнѣйшее несоотвѣтствіе съ фактическимъ положеніемъ. Почему принятъ такой періодъ, а не какой-нибудь другой, остается необоснованнымъ. Объясненія, которыя даны по этому поводу въ запискѣ минист. внутр. дѣлъ по проекту „Положенія о крестьянскомъ землевладѣніи", совсѣмъ не убѣдительны, такъ какъ вся сила ихъ основывается на признаніи опредѣляющаго значенія только за *общими* передѣлами. Но почему такое значеніе придано лишь общимъ передѣламъ и отчего не приняты во вниманіе передѣлы *частные*, оказывающіе огромное вліяніе и на сроки передѣловъ общихъ? Вѣдь частные передѣлы, несомнѣнно, практиковались

въ теченіе этого 24-хъ-лѣтняго періода и они, разумѣется, продолжали существовать также послѣ изданія закона 8-го іюня 1893 года, имѣвшаго цѣлью регламентировать самыя важнѣйшія стороны общиннаго хозяйства при посредствѣ земскаго начальника. Полное игнорированіе закономъ того, что существуетъ въ жизни и что имѣетъ огромное значеніе въ разсматриваемомъ случаѣ,—факта частныхъ передѣловъ,—развѣ это не произволъ, которому нѣтъ никакого оправданія?

Если въ теченіе послѣднихъ 24-хъ лѣтъ не производилось общихъ передѣловъ, законъ разрѣшаетъ въ такомъ случаѣ отдѣльному домохозяину укрѣпить въ личную собственность часть мірской земли; но какъ же оправдать такое императивное распоряженіе, не считающееся вовсе съ желаніями и интересами общества: почему общество, не практиковавшее передѣловъ въ теченіе 24-хъ лѣтъ, не можетъ пожелать произвести ихъ послѣ этого срока; на какомъ основаніи оно считается какъ бы даже совсѣмъ неспособнымъ пожелать того? Въ цитированной объяснительной запискѣ минист. внутр. дѣлъ мы читаемъ по этому поводу слѣдующее: „возможность передѣловъ въ обществахъ, не передѣлявшихся свыше 24-хъ лѣтъ, т.-е. болѣе 2-хъ минимальныхъ законныхъ передѣльныхъ сроковъ, *мало вѣроятна*, и общества эти въ сущности фактически перешли къ постоянному пользованію, продолжающемуся притомъ свыше 2-хъ земскихъ давностей". Возможность передѣловъ *мало вѣроятна*... и вотъ на такомъ основаніи многочисленный разрядъ обществъ лишается навсегда права передѣлять свои угодья и безапеляціонно принуждается перейти отъ общиннаго землевладѣнія къ частной собственности.

Это полное пренебреженіе къ интересамъ коллективнаго владѣнія, прямое насиліе надъ установленнымъ правомъ, осуществляетъ мысль, которая была высказана впервые въ засѣданіи 22-го января 1905 года Высочайше учрежденнаго Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности управляющимъ земскимъ отдѣломъ того времени, г. Гурко. Основываясь на данныхъ, приложенныхъ къ III выпуску Свода заключеній губернскихъ совѣщаній, онъ свидѣтельствовалъ въ Совѣщаніи, что „общинное землевладѣніе не является преобладающимъ" у насъ, такъ какъ „свыше 25% общаго числа земельныхъ общинъ не производили передѣловъ свыше 25 лѣтъ, а около 20% не производили ихъ вовсе со времени надѣленія землей". При этихъ выкладкахъ, надо замѣтить, имѣлись въ виду, конечно, все тѣ же *общіе* передѣлы и совершенно игнорировались передѣлы *частные*. Указанныя цифры привели г. Гурко къ убѣ-

жденію, что „община, какъ форма землевладѣнія, у насъ далеко не столь повсемѣстно развита, какъ это можно думать по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, при чемъ несомнѣнно, что она идетъ быстрыми шагами къ упраздненію". Полагая, что, въ виду этого, слѣдовало бы пойти на помощь населенію и, между прочимъ, путемъ разрѣшенія крестьянамъ продавать свои надѣльныя земли, г. Гурко высказался такъ: „я лично пошелъ бы еще дальше, а именно, предложилъ бы признать, что всѣ тѣ *общества, въ коихъ не было передѣла за послѣднія 25 лѣтъ* (курсивъ подлинника)— это средній срокъ дѣятельной жизни одного поколѣнія—*передѣловъ впредь производить не могутъ* (курсивъ подлинника), т.-е., иначе говоря, признать, что общества эти владѣютъ надѣльной землею не на общинномъ, а на подворно-участковомъ правѣ". Именно эта мысль и осуществлена въ ст. 2-ой раздѣла I закона 9-го ноября, проектъ котораго былъ разработанъ и представленъ при непосредственномъ участіи г. Гурко въ Совѣтъ министровъ, и этой злобной мысли принесены въ жертву и права, и важнѣйшіе жизненные интересы многихъ милліоновъ людей.

Но и въ тѣхъ обществахъ, въ которыхъ за послѣдніе двадцать-четыре года общіе передѣлы производились, положеніе въ сущности не отличается отъ описаннаго, и разница, какъ будто устанавливаемая статьею 3-й въ отношеніи ихъ, на самомъ дѣлѣ совершенно призрачная, не имѣющая никакого практическаго значенія. Въ статьѣ этой указывается, что за каждымъ домохозяиномъ, желающимъ перейти отъ общиннаго владѣнія къ личному, укрѣпляется, сверхъ усадебнаго участка, столько земли, сколько „причиталось бы на его долю на основаніяхъ послѣдней разверстки, *по числу разверсточныхъ единицъ въ его семьѣ ко времени упомянутаго заявленія*". Постановленіе это введено какъ будто съ цѣлью обезпечить, хоть въ нѣкоторой мѣрѣ, общество отъ расхищенія принадлежащей ему земли частными лицами. Если законъ разрѣшаетъ отдѣльному члену общины „укрѣплять" въ собственность мірскую землю, то, разумѣется, надо, по крайней мѣрѣ, хоть точно опредѣлить ту долю, на которую онъ можетъ, по справедливости, претендовать; или, выражаясь словами закона, надо опредѣлить „причитающуюся ему часть изъ мірской земли". Ст. 3-я ставитъ размѣръ причитающагося на долю отдѣльнаго члена количества земли въ зависимость отъ числа „разверсточныхъ единицъ въ его семьѣ". Этимъ постановленіемъ парализуется возможность повторенія того, что имѣло мѣсто при дѣйствіи прославленной ст. 165 Пол. о вык., когда досрочно выкупавшій могъ присвоить значительно больше при-

читавшагося ему по разверсткѣ. Но, говоря объ *основаніяхъ разверстки* и придавая, повидимому, важное значеніе *числу разверсточныхъ единицъ въ семьѣ*, ст. 3-я не имѣетъ яснаго представленія о трактуемомъ предметѣ. Дѣло въ томъ, что при рѣшеніи вопроса о долѣ, причитающейся отдѣльному члену изъ мірской земли, нельзя руководствоваться только тѣмъ, измѣнилось или не измѣнилось послѣ послѣдняго передѣла число разверсточныхъ единицъ въ его семьѣ, такъ какъ изъ одного лишь числа разверсточныхъ единицъ въ семьѣ выдѣляющагося нельзя вывести заключеніе о количествѣ причитающейся ему земли. Для уясненія этого, необходимо обратить вниманіе еще и на то, *не произошло ли измѣненія въ общемъ числѣ разверсточныхъ единицъ данной общины*. Это необходимо, потому что, съ увеличеніемъ числа разверсточныхъ единицъ въ обществѣ, размѣръ надѣла, приходящійся на каждую разверсточную единицу, сокращается. Отсюда ясно: если законъ желалъ быть справедливымъ и дѣйствительно не имѣлъ намѣренія разрѣшать неправильныхъ присвоеній мірской земли, то ему слѣдовало разрѣшать „укрѣпленія“ только тогда, когда происходятъ передѣлы, а не дозволять ихъ въ каждый данный моментъ, по волѣ отдѣльныхъ домохозяевъ. Но иниціаторы закона 9 ноября не думали о природѣ тѣхъ сложныхъ хозяйственныхъ отношеній, которыя рѣшились регламентировать, что̀ вполнѣ очевидно изъ объяснительной записки, утверждающей смѣло, будто съ принятіемъ рекомендованнаго ими способа опредѣленія доли выдѣляющагося „совершенно отпадаетъ необходимость въ производствѣ, при каждомъ заявленіи требованія о выходѣ изъ общины, сложныхъ разсчетовъ, подобныхъ тѣмъ, какіе бываютъ при общихъ передѣлахъ, и самыя эти требованія могутъ быть осуществлены во всякое время“. При подобномъ упрощенномъ отношеніи къ поставленной задачѣ, при руководствѣ только числомъ разверсточныхъ единицъ въ семьѣ выдѣляющагося, разумѣется, безусловно невозможно осуществить на практикѣ того, къ чему какъ будто стремится ст. 3-я, т.-е. невозможно правильное опредѣленіе „причитающагося“ на долю того, кто желаетъ выдѣлиться изъ общины.

VI.

Ст. 3-я закона 9 ноября разрѣшаетъ домохозяину обратить въ личную собственность всякій „оказавшійся излишекъ“ земли“, сверхъ причитающейся ему по разверсткѣ. Для такого при-

своенія излишка требуется лишь уплатить обществу его стоимость, которая опредѣляется „*по первоначальной средней выкупной цѣнѣ* за десятину предоставленныхъ въ надѣлъ данному обществу угодій, облагавшихся выкупными платежами". Благодаря этому постановленію, теряютъ всякое значеніе всѣ эти оговорки объ основаніяхъ разверстки и т. п., какъ будто имѣвшіе въ виду охранить мірскую землю отъ расхищенія. Безъ всякаго сомнѣнія, выходящій изъ общины пожелаетъ присвоить возможно больше земли и воспользуется этой статьей, дозволяющей укрѣпить въ личную собственность землю на чрезвычайно льготныхъ условіяхъ, по цѣнѣ, которая будетъ гораздо ниже дѣйствительной. Такимъ образомъ, захватъ мірской земли становится не только возможнымъ, какъ это было во времена ст. 165 Пол. о Вык., но онъ теперь даже поощряется закономъ и, разумѣется, будетъ совершаться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Изъ состава общины начнутъ выдѣляться въ разрядъ собственниковъ наиболѣе состоятельные изъ крестьянъ, которые охотно будутъ пріобрѣтать мірскую землю по *первоначальной средней выкупной цѣнѣ*. Въ объяснительной запискѣ къ проекту „Положенія о крестьянскомъ землевладѣніи" высказываются даже пожеланія „предоставить переходящимъ къ личному владѣнію возможность во всѣхъ, безъ изъятія, случаяхъ сохранить за собою состоящее въ ихъ пользованіи количество земли, при условіи уплаты обществу стоимости излишка". Эту *стоимость* законъ разумѣетъ, какъ уже указано, въ видѣ первоначальной средней выкупной цѣны. Такая цѣна, по словамъ объяснительной записки, представляется справедливою для общества, такъ какъ оно пріобрѣло землю именно по этой цѣнѣ и даже за цѣну меньшую. Способъ оцѣнки земли, оправдываемый объяснительной запиской и принятый въ законѣ, самъ по себѣ довольно интересенъ, и, собственно говоря, не заслуживалъ бы возраженій, если бы основныя начала его были усвоены нашимъ законодательствомъ и распространены на всѣ категоріи землевладѣнія вообще. Но что̀ сказали бы составители закона 9 ноября, если бы при отчужденіи земель частныхъ владѣльцевъ, въ цѣляхъ, скажемъ, увеличенія надѣла сосѣднихъ крестьянъ, было предложено вознаграждать собственниковъ земли, руководствуясь тѣмъ самымъ принципомъ, по которому законъ разрѣшаетъ теперь каждому домохозяину присвоивать мірскую землю? Разумѣется, ждать со стороны законодательства согласія на такую расцѣнку и безпристрастнаго отношенія ко всѣмъ видамъ землевладѣнія нельзя, если идея объ отчужденіи земель крупныхъ соб-

ственниковъ за вознагражденіе, разсчитанное по доходности, вызвало цѣлую бурю и обвиненіе чуть не въ насиліи надъ священнымъ правомъ личной собственности. А вотъ съ собственностью коллективной, съ имуществомъ общины, оказывается, позволительно обращаться вполнѣ безцеремонно: отчуждая мірскую землю,—откровенно заявляется въ министерской объяснительной запискѣ, — производить разсчетъ по первоначальной выкупной цѣнѣ, позволительно ужъ по одному тому, что эта „первоначальная выкупная цѣна можетъ быть, безъ всякихъ затрудненій, установлена, на основаніи выкупныхъ актовъ".

Затрудненій для исчисленія можетъ, пожалуй, при этомъ способѣ и не быть, но что при немъ санкціонируется явная несправедливость и открыто нарушаются права общины, права большинства крестьянъ, — это безспорно. Разрѣшая вознаграждать общину за отчуждаемую у него землю по „первоначальной средней выкупной цѣнѣ", тотъ же законъ 9 ноября установляетъ совсѣмъ иной способъ вознагражденія домохозяина, желающаго выдѣлиться изъ общества. Такъ, ст. 13-я закона опредѣляетъ, что „обществу предоставляется удовлетворить желающаго выдѣлиться домохозяина деньгами, по взаимному съ нимъ соглашенію, а при недостиженіи соглашенія—по оцѣнкѣ, установляемой волостнымъ судомъ". Но если домохозяинъ не пожелаетъ получить вознагражденія, назначеннаго ему судомъ, если оно покажется ему недостаточнымъ, онъ воленъ отказаться отъ него и въ правѣ продолжать владѣть по-прежнему „укрѣпленными ему въ собственность" участками. При наступленіи ближайшаго передѣла, онъ въ правѣ *потребовать выдѣла* себѣ участка къ одному мѣсту, и общество, несмотря на всѣ затрудненія, обязано исполнить это требованіе безъ права удовлетворить выдѣляющагося деньгами. Изъ этого сопоставленія опредѣленія закона очевидно привилегированное положеніе выдѣляющихся домохозяевъ надъ обществомъ, интересы котораго вездѣ и во всемъ приносятся въ жертву интересамъ выдѣляющихся.

Все стремленіе закона 9 ноября направлено къ разрушенію общины и къ индивидуализаціи землевладѣнія. Согласно цитированной декларации, прочитанной при открытіи третьей Государственной Думы, правительство должно было взяться за это разрушительное для общины предпріятіе, потому что не могло не дать удовлетворенія врожденному „и у нашего крестьянина чувству личной собственности, столь же естественному, какъ чувство голода, какъ влеченіе къ продолженію рода и т. д..." А вотъ объяснительная записка минист. внутреннихъ дѣлъ къ проекту „Положе-

нія о крестьянскомъ землевладѣніи" смотритъ на это дѣло совсѣмъ иначе и довольно откровенно заявляетъ, ради чего именно предпринята вся эта работа по *„дополненію"* Положенія 19 февраля и для чего требуется разрушеніе общины. Оказывается, что „отсутствіе личной собственности въ надѣльномъ имуществѣ препятствуетъ укрѣпленію въ сельскомъ населеніи правильныхъ взглядовъ на частную собственность вообще. Между тѣмъ, самое существованіе прочнаго и сильнаго государства возможно лишь при такомъ распорядкѣ хозяйственнаго строя, который опирался бы на начала личной частной собственности и на уваженіи къ собственности другихъ. Только этимъ путемъ создана будетъ та масса мелкихъ и среднихъ собственниковъ, которая повсемѣстно является сторонникомъ государственнаго порядка, охраняющаго ихъ насущные интересы". Слѣдовательно, во всей идеѣ правительства опредѣляющимъ являются цѣли такой высшей политики, и онѣ позволяютъ иниціаторамъ закона 9-го ноября вполнѣ свободно относиться къ установленнымъ правамъ, не соотвѣтствующимъ ихъ идеаламъ. Но неужели позволительно думать серьезно о возможности насажденія чувства законности, отсутствующаго теперь въ нашемъ населеніи чувства уваженія къ собственности другихъ, когда сама власть явно и безцеремонно нарушаетъ законъ и установленное право? Развѣ допустимо, въ самомъ дѣлѣ, предполагать возможность укорененія правового порядка тамъ, гдѣ господствуютъ исключительно произволъ и усмотрѣніе, гдѣ нѣтъ никакихъ законныхъ гарантій и устойчивости права?

Въ дѣйствительности, всѣ эти слова о правѣ, о законности остаются только словами, и объ осуществленіи ихъ въ жизни, конечно, никто не помышляетъ. Убѣдительнымъ свидѣтельствомъ этому служитъ уже одно то, что возникающія между общиною и выдѣляющимися членами недоразумѣнія восходятъ на рѣшеніе земскаго начальника, „который разбираетъ по существу всѣ возникающіе при этомъ споры и объявляетъ свое по сему предмету постановленіе". Объявлять свое постановленіе по важнѣйшимъ и сложнымъ вопросамъ хозяйственной жизни призывается тотъ агентъ власти, который признанъ для такой роли судьи безусловно непригоднымъ, и который послѣ 17-го октября, за совершеннымъ несоотвѣтствіемъ своихъ функцій съ возвѣщенными правами, долженъ былъ бы прекратить вредное существованіе свое. Оказывается, онъ оживаетъ теперь въ проектѣ „Положенія о крестьянахъ", и подъ именемъ „участковаго коммиссара" будетъ по-прежнему исполнять роль безконтрольнаго опекуна надъ

сельскимъ населеніемъ, имѣющимъ оставаться и впредь классомъ неполноправнымъ. Къ такому результату сводятся въ концѣ концовъ намѣренія правительства „принять всѣ мѣры къ возможно полному уравненію крестьянъ съ остальнымъ населеніемъ Имперіи и къ распространенію на нихъ дѣйствія общихъ законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, а также объ управленіи и судѣ".

Послѣ изданія закона 3 іюня 1907 г., правительство, очевидно, какъ бы забыло объ обѣщаніяхъ своихъ, данныхъ лишь въ виду 17 октября и въ предположеніи, что „уравненіе крестьянскаго населенія съ прочими классами въ отношеніи политическомъ" осуществлено уже. Но разъ такое предположеніе не осуществилось, все остается въ деревнѣ по старому—и въ отношеніи суда, и въ отношеніи управленія. При такихъ условіяхъ, задуманный иниціаторами закона 9 ноября процессъ разложенія общины долженъ пойти довольно быстрымъ ходомъ, и разладъ, который вноситъ законъ въ сельскую среду, приметъ, вѣроятно, самые угрожающіе размѣры. Поощряемое къ расхищенію общественнаго имущества, крестьянство прямо приглашается къ разрушенію прежнихъ устоевъ сельской жизни. Но изъ распри односельчанъ, изъ состоянія безправія и хаоса, которое обречена пережить въ ближайшіе годы наша деревня,—развѣ отсюда можно ждать иныхъ послѣдствій, кромѣ сильнѣйшихъ потрясеній всего общественнаго организма и неисчислимаго ущерба для народнаго хозяйства?

А. Посниковъ.

БИБЛІОТЕКА
[redacted] СТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.